

цию отодвинуть на второй план теорию «базиса» и «надстрой-ки», когда функция этнографии сводилась к бесконечному обоснованию первичности «бытия» по отношению к «сознанию» и построению «периодизаций». Таким образом, этногенетическая концепция, с одной стороны, на практике объединяла теорию и эмпирический базис этнографии, поскольку полевая работа рассматривалась как сбор данных для этногенетических построений, с другой — выступала в роли парадигмы, т. е. базовой теории, в рамках которой можно создавать частные теории в соответствии с требованием единства стандартов постановки и решения проблем.

Конечно, дисциплина, ограничивающаяся исследованиями по этногенезу и этнической истории, представляет собой простейший вариант этнографии, но это целостная система, живой организм, способный к саморазвитию. В какой-то мере кафедра этнографии и антропологии в течение одного-двух десятилетий повторила тот путь, который мировая этнография прошла за двести лет. Вспомним, что этнография в роли самостоятельной дисциплины возникла из тезиса о необходимости отделения истории народов от истории государств. Создание кафедры этнографии и антропологии было воссозданием этнографии в России по той же схеме, по которой она впервые строилась в XVIII в. Как и в момент первичного формирования, этому предшествовал довольно длительный допарадигмальный период существования этнографии как науки. Это период, когда, по определению Куна, ученые уже есть, а науки еще нет [Кун 1975 : 133, 206].

Фиксация, систематизация, интерпретация

Также уместно вспомнить, что рождалась этнография в поле, именно как полевая этнография. Собственно говоря, создание эмпирического базиса, выделение предмета исследования и является содержанием первичного допарадигмального периода в развитии этнографии. В данном случае выделение предмета совпадает с созданием парадигмы, т. е. некоторой образцовой теории.

Означает ли это, что *полевая этнография* сама по себе является парадигмой *этнографии в целом*? Отечественные этнографы определяют этнографию как науку, основанную на методе непосредственного наблюдения (в отличие от других,

прежде всего так называемых смежных наук) [Козьмин 1993 : 461]. Возникает вопрос: что в этом случае происходит с предметом исследования? Все имеет свою цену, за все надо платить. С этой точки зрения обращает на себя внимание противопоставление антропологии и этнографии как теоретической и эмпирической науки в западной науке, что выражается в фактическом отождествлении понятия «этнография» и понятия «полевая этнография» и в превращении полевой этнографии под именем «этнографии» в особую дисциплину, которая определяется как наука, основанная на методе непосредственного наблюдения. Таким образом, то, что мы называем «этнографией», распадается на две независимые дисциплины: антропологию (культурную и / или социальную) и этнографию, каждая из которых должна иметь свой предмет исследования.

Мы опять возвращаемся к формулировкам Малиновского. Ссылаясь на сложившуюся в науке практику словоупотребления, он использовал термин «этнография» для обозначения эмпирических (описательных) исследований в области «науки о человеке», а термин «этнология» относил к компаративным («спекулятивным») теориям [Malinowski 1922 : 9]. По его выражению, этнология вводит закон и порядок в то, что кажется хаотическим и бессмысленным, трансформируя чувственный мир случайного и представляя его в виде множества организованных сообществ, поведение которых подчиняется определенным принципам [Malinowski 1922 : 9]. (Вероятно, отсюда берет свое начало постмодернистский тезис о том, что связность и целостность этнографической реальности является искусственным продуктом описания.) Позже представление об этнографии и этнологии как более низких ступенях «науки о человеке» нашло свое отражение в схеме Рэдклифф-Брауна, который называл «этнологией» науку, изучающую культуру методом исторической реконструкции, а «социальной антропologией» — науку, формулирующую общие законы, лежащие под явлениями культуры [Radcliffe-Brown 1958 : 8]. Повторение этой классификации свидетельствует скорее о ее тривиальности, чем о ее разумном характере.

Таким образом, возникает некая иерархия наук, построенная на принципе деления «более — менее конкретное» исследование: этнография — этнология — антропология. Внешне все выглядит вполне убедительно, однако возникают два вопроса. Во-первых, почему различным уровням исследования в одной и

той же области знания — *наблюдение (фиксация) / описание (обобщение) / сравнение (конструирование)* — присваивается статус особой дисциплины? Во-вторых, на каком основании понятие научной дисциплины отождествляется с понятием научного метода? Фактически «этнография» определяется как метод непосредственного (включенного) наблюдения, «этнология» — как метод исторической реконструкции (комплексный метод), «антропология» — как сравнительный метод. Не говоря о том, что такая «классификация наук» противоречит истории появления данных терминов, во многих ситуациях вместо указания на науку о традиционной культуре с помощью имени формально мы опять-таки вынуждены говорить о «нашей» или «этой» науке, разумеется, если нам очень повезет и мы окажемся в кругу единомышленников, которые определяют предмет «этой» науки так же, как и мы, а не как-нибудь иначе.

В англоязычных странах, прежде всего в Англии и США, с 1983 г. неоднократно издается учебник «Этнография. Принципы практических исследований» Мартина Хаммерсли и Пола Аткинсона. С первых страниц становится ясно, что это, может быть, неосознанная попытка философизации взглядов Малиновского. Отвечая на вопрос, что такое этнография, они пишут, что интерпретируют термин «этнография» в широком смысле безотносительно к тому, какие примеры можно привести, а примеры почему-то приводятся из психологии и социологии. По их мнению, *термин «этнография» обозначает особый метод* или совокупность методов, в основном предполагающих непосредственное, вплоть до включенного, наблюдение над повседневной жизнью людей на протяжении длительного периода времени. **Этнограф наблюдает, что происходит, слушает, что говорят, или сам задает вопросы**, тем самым собирая любые доступные сведения в той области, на которой фокусируются его исследовательские интересы. При этом делается оговорка в том плане, что непосредственное наблюдение как метод сбора информации используется и в других социальных науках и что вследствие этого границы этнографии изначально размыты. Поэтому авторы подчеркивают, что не ставят своей целью жесткое разграничение между этнографией и другими видами качественного (описательного) исследования [Hammersley, Atkinson 2005 : 1—2].

С этой же точки зрения авторами упомянутого издания придается большое внимание различию между качествен-

ным (описательным) методом так называемых социальных наук и квантитативным (количественным, статистическим) методом так называемых точных наук [Hammersley, Atkinson 2005 : 3—10]. Малиновский (изучавший в университете физику и математику) был первым, кто обратился к таким «точным» наукам, как физика и химия, и к таким «менее точным» наукам, как биология и геология, стремясь передать их «точность» полевой этнографии в том, что касается фиксации условий эксперимента [Malinowski 1922 : 2—3].

Процесс соотнесения полевой этнографии с другими науками по шкале «статистическое—описательное знание» не может протекать без использования шкалы «теоретическое—эмпирическое знание». В советской и постсоветской науке (имеется в виду профессиональная этнографическая среда) такое противопоставление считается бессмысленным: эмпирические исследования предполагают владение теорией или ее создание, и, наоборот, теоретические выводы являются результатом анализа эмпирических данных.

В предисловии к своей книге Хаммерсли и Аткинсон заявляют, что центральной темой для них является обоснование важности рефлексивного подхода к этнографической (полевой) работе. Другими словами, речь идет о создании теории этнографии как полевой этнографии. Сначала мы отрезаем полевую этнографию от этнографической теории, а затем пытаемся «нарастить» отрезанную часть. В антропологии происходит обратное: за счет выделения области «описательной антропологии» и «теоретической антропологии» [Мид 1988 : 10; Кон 1988 : 407]. Но что есть «описательная антропология», если не этнография?

Метод непосредственного наблюдения не определяет специфику этнографии не только на фоне так называемых смежных наук, но и на фоне науки в целом. В данном отношении описательные науки принципиально ничем не отличаются от точных наук. Здесь можно говорить только о специфике инструментов реализации идеи непосредственного наблюдения. Полевая этнография имеет в своем арсенале и эксперимент, и специальные приборы, усиливающие возможности непосредственного наблюдения. Дневниковые записи — самый простой инструмент фиксации (опосредствования, «увеличения») результатов непосредственного наблюдения. Существуют и более сложные инструменты, объединяемые понятием аудиовизуальных методов. В этнографии они играют такую же роль, как

телескоп в астрономии. Характерная для точных наук математизация знания не является достаточным критерием для их противопоставления описательным наукам (к числу которых относится и биология). Математизация есть не что иное, как метод формализации в узком смысле. Но это не значит, что в описательных науках формализация вообще отсутствует. Помимо формализации в узком смысле существует формализация в широком смысле, т. е. процесс овеществления абстрагирующей деятельности человека в знаковую систему (язык). Можно ли утверждать, что для социальных наук *не характерна абстрагирующая деятельность*, т. е. мышление? Под формализацией в узком смысле понимается создание языка более узкого и специализированного, чем обычный язык. Таким образом, дело не в том, что точные науки более развиты по отношению к социальным (которые считаются «недоразвитыми»), а в том, что их построение невозможно средствами обыденного языка, тогда как это возможно в социальных науках. Естественный язык как знаковая система относительно предмета социальных наук обладает достаточной обозримостью, поэтому они не нуждаются в использовании математической символики и превращении гуманитарного знания в вид исчисления.

Как можно видеть, вопрос о методе этнографии тесно связан с вопросом о предмете этнографии, но не тождествен ему. Неправильно интерпретируемый метод приводит к искаженному представлению о предмете исследования. Но известное упорство в повторении тезиса о том, что непосредственное наблюдение является главным методом этнографии при том, что указание на него никак не позволяет определить специфику этнографической науки, должно иметь какую-то объективную причину. Причина лежит в самом предмете исследования. Мы просто не с той стороны смотрим («подходим»). Мы говорим о методе получения нами информации о предмете этнографии, т. е. традиционной культуре, а надо говорить о методе передачи информации внутри предмета. Если следовать Малиновскому, первобытная (традиционная) культура является синонимом бесписьменной культуры, внутри которой знание передается путем непосредственного наблюдения. **Носитель традиционной культуры наблюдает, что происходит, слушает, что говорят, или задает вопросы.** Этот смысл интуитивным образом изначально заложен в самом понятии традиции.